

Губернские прокуроры Западной Сибири в XIX в.

Евгений Крестьянников, Виктория Пырх

Provincial prosecutors of Western Siberia in 19th century

Evgenii Krestiannikov, Viktoriia Pyrkh
(both — Tyumen State University, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870014461-8

В XIX в. роль прокуроров в правовой системе Российской империи существенно изменилась. Если первая половина столетия стала, по словам С.М. Казанцева, «периодом застоя в истории русской прокуратуры»¹, когда её представители, осуществляя общий надзор за законностью управления, зависели от администрации и зачастую ограничивались исполнением формальных и бесполезных предписаний², то после реформы 1864 г. чины прокурорского надзора были наделены обвинительной властью в суде. Прокуроры окружных судов и судебных палат заменили прежних губернских прокуроров. Однако прошло несколько десятилетий, пока новые учреждения появлялись во всех регионах страны. Так, в Сибири губернских прокуроров не стало лишь в 1897 г.³

С 1822 г. губернские прокуроры края входили с правом голоса в состав губернских советов и подчинялись, помимо общероссийских инстанций, генерал-губернаторам и их главным управлениям⁴. В столице местной прокуратурой были по-прежнему недовольны, но как улучшить её деятельность, похоже, никто не знал. В 1841 г. министр юстиции гр. В.Н. Панин писал западносибирскому генерал-губернатору кн. П.Д. Горчакову об «ограниченности и почти совершенной бесполезности круга действий губернских прокуроров в Сибири»⁵. Присутствие прокуроров и стряпчих в коллегиальных административных органах с такими же надзорными обязанностями только порождало неразбериху⁶.

Закон 25 февраля 1885 г., частично опиравшийся на начала уставов 1864 г., подчинил губернским прокурорам вместо стряпчих товарищей прокурора и распространил их власть на создававшийся в крае институт судебных следова-

© 2021 г. Е.А. Крестьянников, В.О. Пырх

Статья подготовлена при поддержке Тюменской обл. и РФФИ, проект № 20-49-720019.

¹ Казанцев С.М. История царской прокуратуры. СПб., 1993. С. 108.

² Муравьев Н.В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности. Т. 1. М., 1889. С. 314—315. См. также: Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1997. С. 171.

³ Это произошло в ходе реализации закона 13 мая 1896 г., распространившего на сибирские губернии и области действие Судебных уставов Александра II (ПСЗ-III. Т. 16. Отд. 1. СПб., 1899. № 12932).

⁴ См.: Воропанов В.А. Региональный фактор становления судебной системы Российской империи на Урале и в Западной Сибири (последняя треть XVIII — первая половина XIX вв.): историко-юридическое исследование. Челябинск, 2011. С. 266—267.

⁵ Исторический архив Омской области (далее — ИА ОО), ф. 3, оп. 2, д. 1965, л. 1, 45 об.—46.

⁶ Это, в частности, показала ревизия, проведенная в начале 1850-х гг. членом Государственного совета Н.Н. Анненковым: Материалы, касающиеся последствий ревизии управления Западной Сибири, 1851 г. // Прутченко С.М. Сибирские окраины: областные установления, связанные с Сибирским учреждением 1822 г., в строе управления русского государства: историко-юридические очерки. Приложения. СПб., 1899. С. 381—382.

телей⁷. Это чрезвычайно усложнило работу, потребовав от губернских прокуроров совершенно иной квалификации и профессионализма, тогда как прежде среди них встречалось немало дилетантов, бездельников, а также малообразованных и безответственных лиц. До 1840-х гг. для назначения на данную должность не требовалось юридического образования⁸, и, как отмечал Ф.И. Гредингер, дореформенным прокурорам не хватало «специальных знаний»⁹. В Сибири же хорошо обученных и достойных чиновников служило ещё меньше, чем в центре империи. Бывший иркутский (1805—1806) и тобольский (1806—1807) губернатор А.М. Корнилов позднее констатировал: «Отдалённость страны, пустота и дикость места, суровость климата, а более всего недостаточные и ошибочные понятия о сём крае, не могли без особенных каких-нибудь выгод привлечь сюда людей, которые по самой новости предмета, требующей решительного и отличным просвещением обогащённого ума, соделывались бы здесь необходимыми и благодетельными»¹⁰.

В 1828 г. сенаторы В.К. Безродный и Б.А. Куракин, ревизовавшие Томскую губ., выявили служебное несоответствие А.К. Кротова, в течение 12 лет занимавшего должность губернского прокурора и проявившего на этом посту «небрежение, бездействие и послабление». Судя по послужному списку, чиновник орденов и знаков отличия не имел, «в походах против неприятеля и в самых сражениях не бывал», но и «в штрафах и под судом не был»¹¹. Тем не менее по итогам ревизии его грозили привлечь к «ответу по законам и тем с большей строгостью, чем более Вы пользуетесь доверенностью правительства, и когда всякое Ваше действие, противное возложенной на Вас должности, служа примером для других, непосредственно разрушает всякий порядок»¹².

Ф.А. Горохов, служивший томским прокурором в 1833—1838 гг., не получил никакого образования, однако его карьерным успехам способствовали «ум, энергия, ловкость и проявленная им работоспособность», позволившие ему стать одним из «плеяды таких солидных и видных деятелей на поприще золотопромышленности, имена которых гремели даже далеко за пределами Сибири»¹³. Женившись на дочери крупнейшего в Томске золотопромышленника А.Е. Филимонова, он полностью погрузился в прибыльные занятия своего тестя¹⁴. Неудивительно, что при нём, по словам Г.Н. Потанина (известного приверженца сибирского областничества), «в те отдалённые бесправные времена последствия этого сочетания капитала с бюрократизмом вышли ещё разительнее»¹⁵. Вместе с тем, будучи совершенно бездеятельным служащим, он держался на своём посту исключительно благодаря «сильному покровительству» западносибирских генерал-губернаторов Н.С. Сулимы и кн. Горчакова.

⁷ ПСЗ-III. Т. 5. СПб., 1887. № 2770.

⁸ См., например: *Селиванов Н.* Прокуратура за двадцать пять лет // Журнал гражданского и уголовного права. 1889. № 9. С. 2.

⁹ *Гредингер Ф.И.* Прокурорский надзор за пятьдесят лет, истекших со времени его преобразования по Судебным уставам императора Александра II // Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет. Т. 2. Пг., 1914. С. 204.

¹⁰ Замечания о Сибири. Сенатора Карнилова. СПб., 1828. С. 24.

¹¹ Цит. по: *Яковлев Я.А., Рассмахин Ю.К.* Рассказы о томской прокуратуре. Т. 1. Томск, 2004. С. 108.

¹² Государственный архив Томской области (далее — ГА ТО), ф. 22, оп. 1, д. 3, л. 358.

¹³ Весь Томск. Адресно-справочная книжка на 1911—1912 гг. Томск, [1911]. С. 10.

¹⁴ *Адрианов А.В.* Томская старина // Город Томск. Томск, 1912. С. 169—174.

¹⁵ *Г.П. [Потанин Г.Н.]* На заре золотопромышленности в томской тайге // Сибирская жизнь [иллюстрированное приложение к № 249]. 1903. 16 ноября.

Когда же начальству пришлось признать «неудобство» такого прокурора, Горохов просто подал в отставку¹⁶. В начале XX в. о нём вспоминали как о человеке, совершенно чуждом общим интересам, склонном к стяжательству и роскоши, погрязшем в долгах и потерявшем своё состояние (дело о его несостоятельности в Томском окружном суде тянулось десятки лет и к 1897 г. составляло уже 820 томов)¹⁷. Потанин сожалел, что он «не оставил никакой памяти в истории просвещения Сибири», «так бессмысленно прожил жизнь, так бесплодно для Сибири растратил нажитые в ней капиталы»¹⁸.

Разумеется, встречались и добросовестные дельные работники, своим примером убеждавшие современников в том, что «приносимая губернскими прокурорами польза была несомненна» (как писали, в частности, о деятельности в Москве Д.А. Ровинского)¹⁹. В 1830 г. в ходе ревизии присутственных мест Томской губ. западносибирский генерал-губернатор И.А. Вельяминов высоко оценил труды губернского прокурора П.В. Трескина (выпускника Санкт-Петербургской духовной академии²⁰), «как чиновника усердного, деятельного, совершенно бескорыстного и преисполненного чувствами строгой справедливости и беспристрастия». Вельяминов рекомендовал его новому губернатору Е.П. Ковалевскому как будущего «ревностного помощника» и просил передать ему слова признательности²¹. Позднее Анненкову активно помогал Д.И. Францев, уроженец Симбирской губ., с 1834 г. служивший в разных учреждениях Сибири и 7 июня 1847 г. назначенный тобольским губернским прокурором²². Его дочь вспоминала: «При ревизии оказалось много беспорядков в делах и пришлось некоторых чиновников удалить от должностей; к покойному же отцу моему Анненков во всё время ревизии относился с доверием и часто руководился его указаниями. Он нашёл в таком порядке все его дела, что по окончании ревизии представил его к Св. Анне 2-й степени»²³.

В царствование Николая I образовательный уровень служащих судебного ведомства медленно, но планомерно менялся в лучшую сторону²⁴. В 1840-е гг. «губернскими прокурорами, а иногда губернскими и даже уездными стряпчими стали назначать лиц с высшим юридическим образованием, преимущественно окончивших курс в Училище правоведения, часто совсем молодых, во всяком случае живых и свежих, не заражённых профессиональными недугами огромного большинства местных чиновников»²⁵. К 1853 г. 27 губернских прокуроров имели высшее образование (51,9% от тех, о ком сохранились на сей счёт какие-либо данные), причём 16 из них окончили Императорское училище правоведения²⁶. Вместе с тем «значение прокурорского надзора несколько уве-

¹⁶ Адрианов А.В. Указ. соч. С. 170—171.

¹⁷ См.: В-ий [Вологодский П.В.] Накануне пятидесятилетнего юбилея одной несостоятельности // Право. 1900. 6 августа.

¹⁸ Г.П. [Потанин Г.Н.] Указ. соч.

¹⁹ Берг Д.Б. Дмитрий Александрович Ровинский. Из воспоминаний // Журнал Министерства юстиции. 1895. № 12. С. 196—197.

²⁰ Яковлев Я.А., Рассмахин Ю.К. Рассказы о томской прокуратуре. Т. 1. С. 147.

²¹ ГА ТО, ф. 22, оп. 1, д. 71, л. 30 об.—31.

²² Государственный архив в г. Тобольске (далее — ГАТ), ф. 152, оп. 30, л. 78, л. 2 об.—18.

²³ Воспоминания М.Д. Францевой // Исторический вестник. 1888. № 6. С. 633.

²⁴ См.: Уортман Р.С. Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России. М., 2004. С. 12.

²⁵ Муравьёв Н.В. Указ. соч. С. 356.

²⁶ Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 170.

личилось, а деятельность его стала ближе отвечать той цели, для которой он учреждён был»²⁷.

В Сибири аналогичные процессы происходили позднее, в 1880-е гг., но уже в середине XIX в. намечались существенные подвижки. Так, в Томской губ. с 1858 г. после В.С. Садовникова, получившего лишь «воспитание домашнее», губернскими прокурорами стали выпускники Харьковского университета А.Я. Корбецкий и Н.М. Шмаков, затем казанский воспитанник В.К. Гусев и т.д.²⁸

В начале 1860-х гг. прокуроры и стряпчие Тобольской губ. наравне с местными чиновниками юстиции живо включились в обсуждение готовившейся судебной реформы, высказывая юридически зрелые предположения о необходимости особых подходов к организации судоустройства и судопроизводства в регионе²⁹. На общем фоне резко выделялся отзыв тобольского губернского прокурора Н.А. Жемчужникова, в котором изменение судебной системы в Сибири признавалось совершенно бесперспективным в силу недостатка людей для исполнения обязанностей мировых судей и присяжных заседателей, грубости, невежественности и «притуплённости» чувства справедливости у сибиряков. Ссылаясь на занятость текущими делами, он отказался от составления собственного проекта неотложных преобразований³⁰.

О безысходном кризисе дореформенной системы правосудия свидетельствовала и объёмная записка, составленная тобольским прокурором Н.С. Знаменским по результатам ревизии губернского суда, проведённой в 1876 г. по поручению западносибирского генерал-губернатора Н.Г. Казнакова. Основанием для проверки стали донесения о беспробудном пьянстве главы суда П.А. Волкова и совершенном бездействии его подчинённых. Однако обнаруженные при расследовании «отступления от законного порядка производства» прокурор признал настолько укоренившимися «с течением слишком продолжительного времени», что уже отсутствовала всякая «возможность рассчитывать восстановить нарушенный порядок»³¹. При этом сам Знаменский показал себя как хороший знаток правовых норм, способный к глубоким обобщениям. Воспитанник М.А. Фонвизина и выпускник Казанской духовной академии, он до 1861 г. преподавал в Тобольском духовном училище, а затем перешёл на государственную службу, достигнув со временем чина действительного статского советника. Это не мешало ему заниматься филантропической деятельностью: безвозмездно заседать в совете женской гимназии, управлять детским приютом, участвовать в благотворительных акциях в пользу бедных студентов Тобольской губ., являться членом ревизионной комиссии и собирателем коллекций губернского музея³².

²⁷ Гредингер Ф.И. Указ. соч. С. 205.

²⁸ Яковлев Я.А., Рассмахин Ю.К. Рассказы о томской прокуратуре. Т. 1. С. 159—161; ГА ТО, ф. 22, оп. 1, д. 323, л. 214.

²⁹ См.: Замечания о применении к Сибири основных положений преобразования судебной части в России. СПб., 1863; Замечания о развитии основных положений преобразования судебной части в России. Ч. 4. СПб., 1863. С. 285—292; Соображения о применении к Западной Сибири основных положений преобразования судебной части в России. СПб., 1863.

³⁰ Вологодский П.В. Из истории вопроса о судебной реформе в Сибири // Русское богатство. 1892. № 12. С. 5; Замечания о применении к Сибири основных положений... С. 1—13.

³¹ ГАТ, ф. 152, оп. 35, д. 319, л. 2 об.—3, 18 об.—19; оп. 37, д. 750, л. 8, 12; д. 751, л. 4—4 об., 9—10.

³² Тобольский биографический словарь. Екатеринбург, 2004. С. 189—190; ГА ТО, ф. 2, оп. 1, д. 85, л. 16; д. 87, л. 11.

Между тем продолжалось административное, социальное и культурное сближение Западной Сибири с Европейской Россией. В 1882 г. было ликвидировано Западносибирское генерал-губернаторство, а входившие в него губернии управлялись с тех пор непосредственно из столицы империи³³. В 1885 г. регулярное железнодорожное сообщение связало Екатеринбург с Тюменью³⁴. В 1888 г. в Томске начались занятия на медицинском факультете первого сибирского университета, а ровно через десять лет, 22 октября 1898 г., торжественно открылся второй его факультет — юридический³⁵.

Если раньше переезд на службу за Урал считался, по словам М.М. Сперанского, «таким пожертвованием, на которое редкие решались»³⁶, и казался разрывом с цивилизованным миром и всем самым дорогим³⁷, то теперь чиновники всё чаще находили её для себя выгодной. Генерал-губернатор Восточной Сибири Д.Г. Анучин во всеподданнейшем отчёте за 1879 г. восхищался краем: «Прежде всего, подобно массе других путешественников, я был поражён красотой здешней природы, раздольем здешних мест и той свободой, которую в этой стране ссылки и каторги пользуется местное население»³⁸. По свидетельству местного стряпчего, к концу 1880-х гг. в регионе встречались даже беззаботные «туристы»³⁹. И всё же, как отмечал во всеподданнейшем отчёте за 1881 г. томский губернатор В.И. Мерцалов, «помимо незначительности окладов, служба в Сибири вообще и в Томской губернии в частности представляет очень мало привлекательного ещё и потому, что деятельность здешних должностных лиц обусловлена отжившими рамками старых административных и судебных учреждений, которые не удовлетворяют уже современного образованного деятеля»⁴⁰.

После реформы 1885 г. большинство сибирских судебных следователей были назначены министром юстиции из чиновников других регионов⁴¹, как правило, с высшим образованием⁴². В 1885—1897 гг. в Западной Сибири четыре губернских прокурора являлись выпускниками Императорского училища правоведения: К.Б. Газенвинкель, С.Г. Коваленский, Н.Н. Камышанский в Тобольске и А.В. Витте в Томске⁴³. Вся их карьера, в отличие от предшествен-

³³ ПСЗ-III. Т. 2. СПб., 1886. № 886.

³⁴ Сибирь под влиянием рельсового пути. СПб., 1902. С. 3—4.

³⁵ Годичный акт в Императорском Томском университете 22 октября 1898 г. Томск, 1899. С. 1—3.

³⁶ Отчёт тайного советника Сперанского в обозрении Сибири с предварительными сведениями и основаниями к образованию её управления // *Прутченко С.М.* Указ. соч. С. 24.

³⁷ К примеру, когда Д.И. Францев покидал Симбирск, отправляясь служить в Сибирь, по свидетельству его дочери, «все родные наши собрались провожать нас, точно на смерть»: «Все столпились в одной комнате, и господа, и дворовые люди. Пришёл священник и начал служить напутственный молебен. Плач поднялся страшный, молитва лилась у всех горячая за отъезжающих в такую даль и в такую, по тогдашнему понятию, дикую страну, где, как рассказывали тогда, медведи по улицам ходили» (Воспоминания М.Д. Францевой // *Исторический вестник.* 1888. № 5. С. 382).

³⁸ Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточною Сибирью. Т. 1. Вып. 1. Иркутск, 1884. С. 9.

³⁹ *Васкель Я.* Тёмное дело. Повесть. (Из рассказов сибирского стряпчего) // *Сибирский вестник.* 1890. 3 января.

⁴⁰ ГА ТО, ф. 3, оп. 13, д. 1221, л. 6—6 об.

⁴¹ Государственный архив Тюменской области, ф. И-40, оп. 2, д. 379, л. 20—23 об.

⁴² Так, к 1897 г. в Тобольской губ. служили 26 судебных следователей и лишь двое из них не имели высшего образования (ГАТ, ф. 158, оп. 2, д. 16, л. 7—8).

⁴³ Памятная книжка Императорского училища правоведения на учебный 1915—1916 г. Пг., 1915. С. 109, 112, 133, 148.

ников, протекала в одном ведомстве. Так, Коваленский прошёл путь от кандидата на судебные должности до товарища прокурора Новочеркасского и Санкт-Петербургского окружных судов в 1885—1892 гг. В 1892 г., будучи помощником обер-прокурора Первого департамента Сената П.М. Бутовского, проводившего ревизию органов юстиции Западной Сибири, он оказался в Тобольской губ., где затем остался исправлять должность губернского прокурора⁴⁴. Витте, служивший в 1885—1887 гг. товарищем прокурора в Томске, 22 февраля 1894 г. не побоялся вернуться туда губернским прокурором⁴⁵.

Но если со временем за Урал всё чаще прибывали образованные чиновники из центра империи, то, с другой стороны, и сибирским служащим становилось всё проще переходить на вакансии, открывавшиеся в Европейской части России. Газенвинкель, прославившийся историческими трудами⁴⁶, покинув Тобольск, устроился товарищем прокурора Казанской судебной палаты, а затем — членом Киевской судебной палаты⁴⁷; Камышанский стал сенатором⁴⁸.

Коваленский побывал председателем Митавского окружного суда, прокурором Иркутской, Тифлисской, Варшавской судебных палат. Его мнение о «несчастном и вполне безотрадном положении ссыльных» в Сибири приводилось в 1895 г. в записке министра юстиции Н.В. Муравьёва «Современное положение ссылки и каторжных работ в России»⁴⁹, а после того, как 13 декабря заведование тюрьмами было передано из МВД в Министерство юстиции⁵⁰, Коваленский включился в реорганизацию пенитенциарной системы. В 1896 г., ознакомившись с местами заключения Закавказского края, он вступил в должность помощника начальника Главного тюремного управления (ГТУ) и заседал в Комиссии при Первом департаменте Министерства юстиции, составлявшей под председательством Н.С. Таганцева законодательные предположения об

⁴⁴ Государственный архив Иркутской области (далее — ГА ИО), ф. 245, оп. 5, д. 180, л. 14—18 об.

⁴⁵ Там же, д. 67, л. 1—2 об.; ГА ТО, ф. 22, оп. 1, д. 1877, л. 1 об. Впрочем, их кругозор не ограничивался узкопрофессиональными рамками. Тот же Витте, отличавшийся человеколюбием и отзывчивостью (Енисей. 1897. 7 декабря), выступил организатором благотворительного Томского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов — уникального заведения, занимавшегося перевоспитанием малолетних преступников. Его создателю и первому председателю удалось заинтересовать этим «благим начинанием» отечественную прессу, увидевшую в нём путь «к исправлению детей от растлевающего влияния сибирской тюрьмы, всегда и всюду переполненной людьми, потерявшими всякий стыд и совесть и охотно толкающими других на скользкий путь преступления и порока» (Хроника // Журнал Министерства юстиции. 1897. № 6. С. 232; *Иванюков И.И.* Очерки провинциальной жизни // Русская мысль. 1896. № 6. С. 162).

⁴⁶ *Газенвинкель К.Б.* Книги разрядные в официальных списках как материал для истории Сибири XVII в. Казань, 1892; *Газенвинкель К.Б.* Обские пираты прошлого века // Исторический вестник. 1893. № 8. С. 455—468; *Газенвинкель К.Б.* Систематический перечень воевод, дьяков, письменных голов и подьячих с приписью в Сибирских городах и главнейших острогах с их основания до начала XVIII в. К истории Сибири XVII в. Тобольск, 1892. Будучи членом комитета Тобольского губернского музея, Газенвинкель принадлежал к числу тех, кто инициировал в 1892 г. выпуск музейного «Ежегодника» (Ежегодник Тобольского губернского музея, состоящего под августейшим покровительством государя наследника цесаревича. Вып. 1. Тобольск, 1893. С. XIII, XV).

⁴⁷ Биографический словарь. Высшие чины Российской империи (22.10.1721—2.03.1917) / Сост. Е.Л. Потёмкин. Т. 1. М., 2017. С. 342; Ежегодник Тобольского губернского музея... С. XV.

⁴⁸ Биографический словарь. Высшие чины... Т. 2. М., 2017. С. 51.

⁴⁹ РГИА, ф. 1405, оп. 539, д. 249, л. 36.

⁵⁰ ПСЗ-III. Т. 15. СПб., 1899. № 12272.

устройстве тюремной части. С весны 1905 г. он четыре месяца был директором Департамента полиции МВД, после чего занял кресло сенатора⁵¹.

Витте в 1899—1902 гг. служил инспектором ГТУ V класса, являлся членом ведомственной редакционной комиссии, готовившей проект Уголовного уложения, заведовал местами заключения в Санкт-Петербурге, исполнял обязанности помощника начальника ГТУ⁵². В 1899—1902 гг. он также редактировал официальный «Тюремный вестник», на страницах которого обсуждались важнейшие вопросы устройства и преобразования пенитенциарных учреждений, участвовал в I съезде тюремных деятелей, выступал с докладом о российской каторге и ссылке на IX международном конгрессе криминалистов⁵³. В 1902 г. он вновь вернулся в Томск, теперь уже председателем окружного суда⁵⁴, но в 1906 г. командующий войсками Сибирского военного округа Н.Н. Сухотин уволил его от должности из-за сомнений в политической благонадёжности⁵⁵. Тем не менее Витте продолжал играть заметную роль в сибирской общественной жизни как директор Иркутского отделения Русско-Азиатского банка и председатель местного биржевого комитета (с 1911 г.), концессионер Иркутско-Ленской железной дороги, гласный Иркутской городской думы (1914—1916). Весной 1917 г. революционная власть вернула его в судебное ведомство, назначив прокурором Омской судебной палаты⁵⁶.

Фактически после 1885 г. случайных людей среди губернских прокуроров уже не встречалось. Выступая на публичных и состязательных судебных процессах, они оказывались в центре общественного внимания и должны были владеть ораторским искусством, безупречной логикой и прочными юридическими познаниями. Ведь, как писал А.Ф. Кони, «основные черты слагавшегося русского типа обвинителя были... спокойствие, отсутствие личного озлобления против подсудимого, опрятность приёмов обвинения, чуждая и возбуждению страстей, и искажению данных дела, и, наконец, полное отсутствие лицедейства в голосе, в жесте и в способе держать себя на суде... На обязанности его лежит сгруппировать и проверить всё, изобличающее подсудимого, и, если подведённый им итог с необходимым и обязательным учётом всего, говорящего в пользу обвиняемого, создаст в нём убеждение в виновности последнего, заявить о том суду. Сделать это надо в связном и последовательном изложении, со спокойным достоинством исполняемого долга, без пафоса, негодования и преследования какой-либо иной цели, кроме правосудия»⁵⁷.

Судя по публикациям в местной прессе, западносибирские губернские прокуроры 1880—1890-х гг. вполне соответствовали данному образу. Так, 18 ноября 1886 г. в Тобольском губернском суде, где рассматривались преступления окружного исправника Б.И. Красина, «прокурор в своей обвинительной речи

⁵¹ Биографический словарь. Высшие чины... Т. 2. С. 117; ГА ИО, ф. 245, оп. 5, д. 180, л. 19 об., 21—22 об., 71.

⁵² ИА ОО, ф. 25, оп. 2, д. 26, л. 6 об., 7 об.

⁵³ Тюремный вестник. 1902. № 4. С. 205, 228; № 9. С. 619.

⁵⁴ Корреспондент томской газеты писал, что «это — ещё молодой человек (Витте было тогда 39 лет. — *Е.К., В.Л.*), полный сил и энергии, отзывчивый на всё доброе и гуманный» (Заметки о судопроизводстве и судоустройстве // Сибирский наблюдатель. 1902. № 3. С. 160).

⁵⁵ Хроника // Право. 1910. 7 марта.

⁵⁶ Биографический словарь. Высшие чины... Т. 1. С. 288; Общественно-политическая жизнь Сибири в конце XIX — начале XX в. Энциклопедический словарь. Новосибирск, 2019. С. 55.

⁵⁷ Кони А.Ф. Приёмы и задачи прокуратуры. (Из воспоминаний судебного деятеля) // Кони А.Ф. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 4. М., 1967. С. 124—125.

выяснил данные, осветил их и, коснувшись характеристики лихоимства в Сибири, указал, какой громадный вред приносит оно целому обществу. Прокурор Газенвинкель, действительно, потруился над этим делом, изучил его и своею ясною и прочувствованною речью произвёл глубокое впечатление как на самих судей, так и на защитника Красина, его самого и всю публику»⁵⁸. В Томском губернском суде 16 июня 1887 г. после доказательной и продолжительной речи А.А. Орлова против убийц купца Б. Кана потребовалось даже сделать перерыв в заседании. По словам журналиста, «интерес к этому делу был возбуждён и потому ещё, что в роли обвинителя являлся сам прокурор, речь которого, по делу о подлогах бывшего секретаря Томского окружного полицейского управления Любарского, была памятна всем слышавшим её, и многим желалось послушать ещё раз талантливого оратора»⁵⁹.

Вместе с тем и в 1880—1890-е гг. прокурорам, сделавшимся передовым отрядом бюрократии края, приходилось сталкиваться с недостатками архаичной административной системы. Едва ли не самым заметным, но и столь же безуспешным направлением их деятельности оставалась борьба с давно и прочно укоренившимся невежеством полицейских чинов⁶⁰. В первых же циркулярных распоряжениях Газенвинкеля отмечалось, что в полиции совершенно не понимали требований закона 25 февраля 1885 г., изменившего порядок расследования преступлений, и продолжали направлять материалы дознаний и предварительных следствий не товарищам прокурора, а своему начальству или напрямую в судебные учреждения. Но и за последующее десятилетие ничего не изменилось: последний тобольский губернский прокурор Камышанский незадолго до введения в Сибири Судебных уставов 1864 г. указывал на аналогичные нарушения судопроизводства⁶¹.

Непригодность полиции к ведению следственных действий и малочисленность представителей прокуратуры при расширении круга их обязанностей делали положение безвыходным. Подводя итоги проведённой в 1892 г. ревизии, Бутовский признал сибирскую прокуратуру «прекрасной» по своему личному составу, но обречённой «на безмолвное созерцание следственной части» и «заваленной непомерным трудом, превосходящим всё», что ему доводилось видеть за 30 лет службы в судебном ведомстве⁶². Губернские прокуроры остро сознавали своё бессилие. Коваленскому удалось существенно снизить число неоконченных расследований в Тобольской губ. (с 14 825 до 5 216 производств только за восемь месяцев 1894 г.⁶³), и, по свидетельству губернатора Н.М. Богдановича, «значение и сила уголовной репрессии значительно увеличились»⁶⁴. Однако сам прокурор считал, что предпринятые им меры имели значение «лишь в смысле спасения» следствия «от окончательной гибели»⁶⁵.

Неудивительно, что губернские прокуроры больше других местных чиновников настаивали на необходимости коренных изменений, но перед распро-

⁵⁸ Дело о взяточничестве тюменского исправника Бориса Красина // Сибирская газета. 1886. 7 декабря.

⁵⁹ Дело об убийстве купца Кана и его семьи // Сибирский вестник. 1887. 19 июня.

⁶⁰ *Крестьянников Е.А.* Полиция и полицейское следствие в Западной Сибири (1822—1897 гг.) // Российская история. 2013. № 3. С. 84—99.

⁶¹ ГАТ, ф. 1, оп. 1, д. 915, л. 2; ф. 152, оп. 37, д. 789, л. 10, 12, 18.

⁶² Там же, ф. 152, оп. 37, д. 875, л. 16.

⁶³ Там же, ф. 479, оп. 2, д. 10, л. 16—29 об.

⁶⁴ РГИА, ф. 1405, оп. 542, д. 239, л. 2 об.

⁶⁵ ГАТ, ф. 376, оп. 1, д. 566, л. 4.

странением на Сибирь Судебных уставов 1864 г. они же сделались решительными критиками того порядка проведения реформы, который был намечен в Министерстве юстиции. При этом они демонстрировали незаурядный профессионализм, знание местных реалий, ответственность, опытность и чуткость. Так, Газенвинкель выступал против возникшей в Петербурге идеи соединить в руках будущих сибирских мировых судей следовательские и судебные функции⁶⁶. Коваленский разработал «Проект положения о судебном устройстве в Тобольской губернии» и объяснительную записку к нему, в которой критиковал замысел министра Н.В. Муравьева приблизить правосудие к населению при помощи усиления подвижности судебных учреждений края. Коваленский предвидел, что интенсификация судейских командировок не приведёт к желаемым результатам, но вызовет лишь «значительную трату времени» и будет «невыгодно отражаться на успешности работы»⁶⁷. На плечи Витте как последнего томского губернского прокурора легла реализация реформы. Занимаясь разделением губернии на мировые и следственные участки, он выяснил, что предусмотренный штат новых судебных учреждений не сможет удовлетворить потребности региона, где требовалось не 34, а не менее 50 мировых судей⁶⁸.

Деятельность сибирских судебных учреждений после 1897 г. показала поразительную дальновидность губернских прокуроров⁶⁹. Любопытно, что появление чиновников нового поколения, образованных и профессионально подготовленных, стремившихся обеспечить благополучие населения и соблюдение законности, существенно меняло вектор развития даже тех институтов, которые были унаследованы от дореформенной эпохи.

⁶⁶ РГИА, ф. 1405, оп. 87, д. 9921е, л. 16 об., 20 об.

⁶⁷ ГАТ, ф. 376, оп. 1, д. 566, л. 11.

⁶⁸ ГА ТО, ф. 3, оп. 6, д. 5, л. 12—25 об.

⁶⁹ Подробнее см.: *Krest'iannikov E.A. Realizatsiia idei sud'i-sledovatel'ia v mirovoi iustitsii dorevoliutsionnoi Sibiri // Cahiers du Monde Russe. 2017. Vol. 58. № 4. P. 555—587; Krest'iannikov E.A. Along the Routes of Justice: Judicial Circuit Riding in Western Siberia during the Late Imperial Period // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2019. Vol. 20. № 2. P. 315—344.*